

Утренний выпуск.
Объявления за строку петита для
заним. сю мѣсто въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.), предл. груза 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для заграницы 10 амер. цент. за строку

Ред.: **Рига, Мельничная 57** (ут.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. трон. —
21733 и 22134, ночн. редакц. — 21225.
Главная контора и экспедиція: **Рига,**
Мельничная ул. 57 Тел. конторы
21030, телеф. рекламнаго отдѣла 21225

СЕГОДНЯ

№ 120.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

9-й г. изд.

Вторникъ,
31 мая 1927 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сент. 6 р.
въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр.
35 грш. **Подп. пл. на „Сегодня“ въ мѣ-**
сяцъ (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с.
175 р. Загр. 5 Л. 20 с. (260 р. или 1 амер. долл.)
Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.) въ Латвіи 5 Л.
75 с., за границей 8 Л. 50 с. или 1,70 амер. долл.

Воспоминанія О. Книпперъ о Чеховѣ.

Въ Петербургѣ на гастроли прѣѣхалъ Художественный театръ. «Красная Газета» обратилась къ премьершѣ театра О. Л. Книпперъ-Чеховой съ просьбой дать статью для газеты. О. Л. нашла умѣстнымъ вспомнить о своемъ мужѣ А. П. Чеховѣ и написала о немъ задушевныя воспоминанія, которыя мы и воспроизводимъ.

Весна... И опять мы всеѣмъ театромъ ѣдемъ на гастроли послѣ длительного перерыва въ тотъ же городъ съ морскимъ влажнымъ воздухомъ, съ красавицей темноводной Невой, съ бѣлыми ночами, съ волнующими силуэтами, — но уже съ другимъ названіемъ. И какъ-то особенно остро вспоминается все, что было пережито въ промежутокъ времени между послѣдней нашей поѣздкой въ Петербургъ и теперешней поѣздкой въ Ленинградъ.

«Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится эдоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка...» — говорилъ Чеховъ устами Тузенбаха въ «Трехъ сестрахъ». И вотъ эта громада, эта буря уже надвинулась и пронеслась. И невольно хочется вспомнить прошлое, — такое близкое и такое далекое, — хочется вспомнить тотъ большой, свѣтлый праздникъ, который былъ для насъ 1898 годъ, — годъ основанія нашего Художественнаго общедоступнаго театра... Хочется вспомнить и радость встрѣчи въ молодомъ нашемъ дѣ-

лѣ съ А. П. Чеховымъ, который сталъ «нашимъ» писателемъ, и первое представленіе «Чайки», которая дала первый настоящий успѣхъ.

На одну изъ первыхъ репетицій прѣѣзжаетъ Антонъ Павловичъ. Знакомитъ насъ Владиміръ Ивановичъ Немировичъ-Данченко, «вводитъ» Чехова въ нашу семью. Трудно говорить о томъ большомъ волненіи, которое насъ охватило при первомъ знакомствѣ съ любимымъ писателемъ, когда мы почувствовали всѣ необыкновенное, тонкое, тихое обаяніе его личности, его простоты, его какого-то неумѣйнаго «говоритъ», «учитъ», «показываетъ». Не знали, какъ и о чемъ говорить... И онъ, то улыбаясь лучисто, то вдругъ необычайно серьезно, смотрѣлъ на насъ, съ какимъ-то смущеніемъ, пощипывая бородку и вскидывая пенсне и... внимательнѣе всего разглядывалъ античныя урны, которыя тутъ же изготовлялись для спектакля «Антигоны». Недоумѣвалъ, какъ отвѣчать на нѣкоторые вопросы, а мы-то всѣ думали, — вотъ авторъ намъ все откроетъ, всѣ тайны «Чайки»...

Антонъ Павловичъ, когда его спрашивали, отвѣчалъ какъ-то неожиданно, какъ будто и не по существу, какъ будто и обще, и не знали мы, какъ принять это замѣчаніе — серьезно или въ шутку. Но все это только казалось такъ въ первую минуту, и тутъ же, подумавши немного, чувствовалось, что это сказанное какъ бы вскользь замѣчаніе,

какъ бы проходно, начинало назойливо проникать и мозгъ и душу, и вотъ отъ иногда едва уловимой характерной черточки начинала вырастать вся суть человѣка.

Мы играли «Чайку» въ первый разъ. Нашъ маленький театръ былъ не совсемъ полнымъ. Мы уже сыграли и «Федора», и «Шейлока»; хотъ и хвалили насъ, но составилось мнѣніе, что — прекрасный театръ, обстановка, костюмы необыкновенно жизненны, толпа играетъ исключительно, но... «актеровъ пока не видно», хотя Москвитинъ прекрасно и съ большимъ успѣхомъ сыгралъ Федора. И вотъ идетъ «Чайка», въ которой нѣтъ ни обстановки, ни костюмовъ, — одинъ актеръ. Настроеніе было серьезное, избѣгали говорить другъ съ другомъ, избѣгали смотрѣть въ глаза, молчали всѣ, насыщенные любовью къ Чехову и къ новому нашему молодому театру, точно боялись расплескать эти двѣ любви, и несли мы ихъ съ какимъ-то счастьемъ, и страхомъ, и упованіемъ. Владиміръ Ивановичъ отъ волненія не входилъ даже въ ложу въсѣ первый актъ, а бродилъ по коридору.

Первые два акта прошли... Мы ничего не понимали... Во время перваго акта чувствовалось недоумѣніе въ залѣ, безпокойство, даже слышались протесты, — все казалось новымъ непріемлемымъ, — и темнота на сценѣ, и то, что актеры сидѣли спиной къ публикѣ, и сама пьеса. Ждали третьяго акта... И вотъ по окончаніи его — тишина, какія-то нѣсколько секундъ, и затѣмъ что-то случилось, точно плотину прорвало, мы сразу не поняли даже, что это было — и тутъ-то началось какое-то безуміе, когда перестаешь чувствовать, что есть у тебя ноги, голова, тѣло... Все слилось въ одно сумасшед-

шее ликование, зрительная зала и сцена были что-то одно, занавѣсъ не опускался, мы всѣ стояли, какъ пьяные, слезы текли у всѣхъ, мы обнимались, цѣловались, въ публикѣ звенѣли взволнованные голоса, говорившіе что-то, требовавшіе послать телеграмму Чехову въ Ялту... И «Чайка», и Чеховъ-драматургъ были реабилитированы!

Великимъ постомъ прѣѣзжаетъ Чеховъ въ Москву. Конечно, мы хотимъ непременно показать «Чайку» автору, но... у насъ не было своего театра. Сезонъ кончился съ началомъ поста и кончалась аренда нашего театра. Мы репетировали гдѣ попало, снимая на Бронной какой-то частный театръ. Рѣшили на одинъ вечеръ снятъ театръ Парадиза, гдѣ всегда играли въ Москвѣ прѣѣзжіе иностранные гастролеры. Театръ не топлённый, декорация не наши, обстановка угнетающая послѣ всего «нашего», новаго, связаннаго съ нами.

По окончаніи четвертаго акта, ожидая послѣднлаго успѣха похвалъ автора, мы видимъ вдругъ: Чеховъ, мягкій, деликатный Чеховъ, идетъ на сцену съ часами въ рукахъ, блѣдный, серьезный, и очень рѣшительно говорить, что все очень хорошо, но «песю кому прошу кончатъ третьимъ актомъ, четвертый не позволю играть»... Онъ былъ со многими несогласенъ, главное съ темпомъ, очень волновался и увѣрялъ, что этотъ актъ не изъ его пьесы. И правда, у насъ что-то не ладилось въ этотъ разъ. Владиміръ Ивановичъ и Константинъ Сергѣевичъ (Станиславскій) долго успокаивали его, доказывали, что причина неудачной нашей игры та, что мы давно не играли (весь постъ), и всѣ актеры — настолько зеленые,

что потерялись среди чужой, неуютной обстановки мрачнаго театра. Конечно, въ послѣдствіи забылось это непріятное впечатлѣніе, все исправилось, но всегда вспоминался этотъ случай, когда Чеховъ такъ рѣшительно и необычно для него протестовалъ, когда ему что-то было, дѣйствительно не по душѣ.

Чеховъ, Левитанъ и Чайковскій — эти три имени связаны одной нитью, и, правда, они были пѣвцы прекрасной русской лирики, они были выразителями цѣлой полосы русской жизни — девятностые годы, конецъ вѣка, — полосы русской жизни, лишенной внѣшней яркой краски, но полной мучительнаго кропотливаго всматриванія внутрь себя. Именно Чеховъ далъ право на жизнь каждому маленькому, незамѣтному человѣку, каждый имѣлъ право сказать: и я страдаю и мучаюсь, и у меня есть свои маленькія радости.

И вотъ та буря, та громада, о которой говорилъ Тузенбахъ, пришла и «сдула» съ «нашего общества лѣнь, равнодушіе къ труду, гнилую скуку», сдула Вишневые сады, сдула тѣхъ Гаевыхъ и Раневскихъ, чей былъ «старый домъ», — и вотъ опять мы весной ѣдемъ въ бывшій «Петербургъ», въ новый Ленинградъ, съ другимъ багажемъ, — и играть передъ другимъ зрителемъ.

О. Книпперъ-Чехова.

Отвѣтственный редакторъ:

А. В. Круминскій

Издатель: Издательское Т-во

«Сегодня».